

О ПОНЯТИИ ФИЛОСОФИИ

С.Д. Лобанов,
доктор философских наук,
профессор кафедры
иностраных языков
и философии,
Пермский научный центр УрО
РАН

Рассматривается понятие философии с точки зрения «большой» (философии в целом) и «малой» (философии каждого человека). Показывается, что философия есть мышление о бытии: независимом от человека бытии и человеческом бытии. Мышление о бытии коренится в проблеме тождества и различия, которая имеет свою историю понимания и решений.

По преданию, у царя Соломона был перстень с печатью: «И это тоже пройдет». Это изречение по значению сопоставимо с другим – «все суета» – из «Екклесиаста», автором которого считается Соломон.

Эти слова емко выражают глубокое ощущение бренности жизни, обреченности на смерть, тщетности усилий, бесполезности мудрости-знания перед лицом неумолимого веретена времени, чувство несправедливости из-за отсутствия верных оценок и ценностей.

Потребность в спасении-защите от потока преходящего порождает идею постоянства, или пребывающего, например в виде *века (зона)*, вечности жизни, а также *порядка, космоса*, воплощенного единства *истины, добра и красоты* или принципа *совершенства, «калокагатии»* (греч. *kalos* – прекрасный, *agathos* – добрый). Эти идеи становятся источником представления об иерархичном устройстве мира, подчинения его единому первоначальному – «архэ».

Необходимость противостоять стихийным разрушительным силам посредством способности постигать такое первоначально стало источником этой способ-

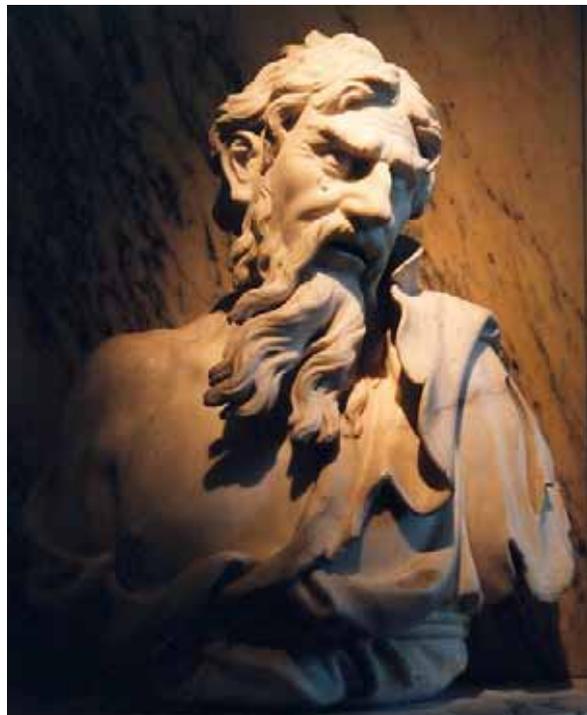
ности, а именно мышления. Первым понятием, отвечающим этому условию – «быть равным силе мышления» – стало «бытие».

По точному замечанию немецкого философа *Романо Гвардини* (1885–1968), «Чистое бытие Парменида – это щит, выставленный против страшной власти бренности, так глубоко уязвлявшей грека» [10]. С самого своего начала *философия есть мышление о бытии*. У начала философии находится разделение двух философских направлений, проходящее через всю историю философии к современности. Это *линия Гераклита* и *линия Парменида*.

Гераклит (ок. 544–483 г. до н.э.) открыл идею *становления*, «все течет подобно реке», «в одну и ту же реку входим и не входим, мы есть и нас нет», *единства противоположностей* («Луку имя – «жизнь» (βίος), а дело смерть»). Однако в этой непрерывной изменчивости есть разумный смысл, *Логос*, условие постоянства «Логос один и тот же». Но и здесь Гераклит верен себе: Логос – это невинная судьба, ребенок; «Век <Эон> – дитя играющее».

Парменид (ок. 540–480 г. до н.э.) от-

кывает принцип неизменности бытия на основе принципа тождества мышления и бытия. В поэме Парменида «О природе» сказано: «мыслить – то же, что быть...» (фр. 3); «Все наполнено сущим / Все непрерывно тем самым...» (фр. 8, 24–25);

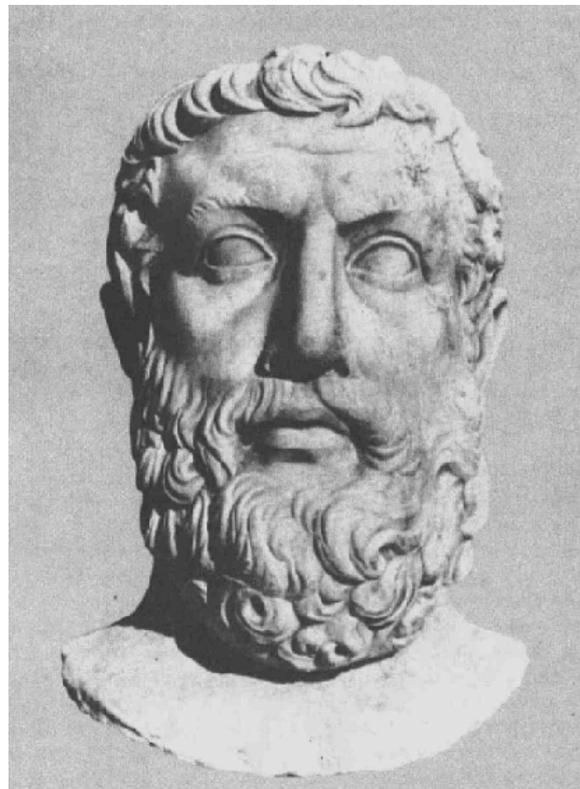
Гераклит

«То же самое – мысль и то, о чем мысль возникает, / Ибо без бытия, о котором ее изрекают / Мысли тебе не найти. Ибо нет и не будет другого / Сверх бытия ничего: Судьба его приковала / Быть целокупным, недвижимым» (фр. 8, 35).

Здесь исток основополагающей философской проблемы отношения тождества (Зенон, ученик Парменида: «Все одно») и различия (Гераклит: «Мы есть и нас нет»). Иногда зарождение этой проблемы объясняется географическим расположением Греции: подвижное Эгейское море и неподвижная твердь – горы.

Одна из тенденций в современной философии заключается в решении проблемы тождества и различия (иного) растворением тождества в различии, точнее – различениях, имеющих значение «ускользания» от тождественности, однозначности. Тогда само по себе выражение «одно и то же», теряет исходное положение «одно»: «то же», но «не одно» (например, следы или серия). В итоге, это ведет вы-

холащиванию понятия подобия в виде его ложных форм, видимостей – «симулякров» (от лат. *simūlo* – уподоблять, притворяться). Здесь «заостряется» проблема отношения *скрытого* (невидимого) и *открытого* (видимого). Она непосредствен-

Парменид

но связана с классической проблемой философии – проблемой *истины*. Если истина по определению одна, то тождественны ли ей многообразные явления?

В философии Платона (427–347 г. до н.э.) принцип иерархичного устройства мира дополняется понятием *эйдоса*, которое имеет значения: 1) латинской кальки «идея»; 2) вид, образ; 3) *подобия, причастности*, иногда выражаемого суффиксом *-ид*, например «астероиды», «липиды» и т.д. Высший эйдос, по Платону, это *благо*, подобное Солнцу, дающему тепло всему живому.

Проблема тождества и различия – это то историческое зерно, из которого вырастают другие философские проблемы и самая философия, а именно: отношения *истины и мнения, неизменного образа (идеи) и его копий (подобий), сущности и явлений, сущности и существования, движения и покоя, непрерывного и прерывно-*

го, неделимого и делимого и т.д.

Если истоки философии сохранились в западном мире в виде книжной традиции, то в восточной философии ее начала, *природные стихии*, существуют в практической форме, например, в чайной церемонии, сочетающей в себе стихии огня, воздуха, воды и дерева.

Историческая перспектива

Обращение к вопросу, что такое философия, с неизбежностью сталкивается с «дурным» разнообразием представлений о природе философии среди специалистов-философов и нефилософов. По верному замечанию немецкого философа *Вильгельма Виндельбанда* (1848–1915), попытки внести ясность с решение этого вопроса посредством строгого, чисто формального определения философии (дефиниции) в виде квинтэссенции различных мнений и точек зрения, охватывающих все, что когда-либо называлось философией, обречены на неудачу [5]. Виндельбанд предлагает от формального определения философии обратиться к историческому. Здесь понятие философии имеет реальные значения:

1) через отношение к науке («философия – это наука»); «история греческой философии есть история зарождения науки; в этом ее глубочайший смысл и ее непреходящее значение» [6];

2) отношение к морали, точнее – «образу жизни», в виде практической философии, по определению *Цицерона* (106–46 г. до н.э.), «*философия – это учительница жизни*»;

3) отношение к служению, в средние века – «философия есть служанка богословия»;

4) отношение к самосознанию новейшей европейской и современной науки, философия – это *теория познания, теория науки*; «Философия каждой эпохи есть мерило той ценности, которую данная эпоха приписывает науке» [7];

5) отношение к мировоззрению, обобщенным представлениям о жизни и мире, единству объективного и субъективного начал.

Судьба философии, по Виндельбанду, подобна судьбе короля Лира, раздавшего детям свое имущество, оставшегося ни с чем и нищим выброшенного на улицу [8]. Из царского, по достоинству, занятия философия стала попрошайкой, выпрашивающей для себя остатки у других видов деятельности.

Однако Виндельбанд замечает, что философия остается сферой идеалов, или абсолютной оценки, идеальных понятий и норм, «критической наукой об общезначимых ценностях» [9] (там же, с. 40) в виде логики, этики и эстетики.

Философия в каждую эпоху есть единство: научного знания, образа жизни, служения идеям, теории (философия) науки, обоснования мировоззрения, системы общезначимых ценностей. Этим можно объяснить различные способы существования философии. Например, строки Константина Николаевича Батюшкова:

«Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы»...

(«*Мои пенаты*»),

хорошо выражают мировоззрение *гедонизма (эпикурейства)*.

Разнообразие философских взглядов, доходящее до откровенной нетерпимости, можно сравнить с «вавилонской башней», смешением языков. Причины философской «вавилонской башни» можно интерпретировать несколькими способами:

1) «золотой век», совершенство философии осталось у ее истоков;

2) проблема единства философии найдет свое решение в новой философии, «философии будущего».

Примером осознания этой проблемы и попытки найти выход из тупика бесконечных разногласий в философии служит проект *априорного философского языка*, или *универсальной грамматики* великого немецкого математика и философа *Готфрида Вильгельма Лейбница* (1646 – 1716): «никогда не кончатся споры и не установится мир в борьбе *школ*, пока от путаных рассуждений, неясных слов и неопределенных значений мы не перейдем к простым исчислениям определенным *характерам*».

Отсюда, разумеется, будет следовать

то, что всякий паралогизм станет не чем иным, как *ошибкой счета*, а *софизм*, выраженный в этом новом способе писания, будет не чем иным, как *солецизмом* или *варваризмом*, легко опровергаемым исходя из самих законов этой философской

(«иметься», «наличествовать»), тогда как его антонимом будет отрицательный глагол «не иметься», «отсутствовать» (у)» [24].

Основополагающее для китайской философии понятие *Дао* (японский вариант

Готфрид Вильгельм Лейбниц

грамматики. В результате, когда возникали бы споры, нужда в дискуссии между двумя философами была бы не большей, чем между двумя вычислителями. Ибо достаточно было бы им взять в руки перья, сесть за свои счетные доски и сказать друг другу (как бы дружески приглашая): *давайте посчитаем!*» [22].

Однако программа *логицизма*, примененная в философии Лейбницем и его последователями, не затрагивает корней философии, уходящих глубоко в почву самой жизни.

Так, вполне точное определение природы западноевропейской как «мышления о бытии» неуместно по отношению к восточной философии прежде всего из-за различия основных понятий. По замечанию отечественного востоковеда-синолога *Евгения Алексеевича Турчинова* (1956–2003), «в китайской философии нет понятий ни «бытие», ни «небытие», поскольку сам глагол «быть» отсутствует в древнекитайском языке; он заменен глаголом ю

Освальд Шпенглер

До), имеющее значения «путь», «великий предел», соотносимо (коррелирует) не с мышлением, а с энергией жизни (*ци: инь-ци и ян-ци*).

Следует отметить, что западноевропейская, и особенно отечественная, философия весьма чутко воспринимает образы восточной. Следы этого влияния можно легко обнаружить у Лейбница, Гегеля, Шопенгауэра, Хайдеггера и др.

Например, название книги *Освальда Шпенглера* (1880–1936) «*Der Untergang des Abendlandes*» (1918) переводится в виде приемлемого варианта «Закат Европы». В то же время оговаривается, что слово *Abendland* имеет буквальное значение «вечерняя страна» и противопоставляется *Morgenland*, «утренняя страна», где буквальное значение допускают такие символические: «страна заходящего

солнца» (Запад) и «страна восходящего солнца» (Восток). Эти символы выражают морфологию истории, культурные миры и души-жизни, лежащей, по Шпенглеру, у истока истории. Этим объясняется, почему Шпенглер с откровенной симпатией относится к Достоевскому, воплощению душевности русской – восточной – культуры: «Подлинный русский – это ученик Достоевского, хотя он его и не читает, хотя – и также потому что – читать не умеет. Он сам – часть Достоевского» [27].

Обычно в типологиях и классификациях философских учений отечественная философия не выделяется в качестве своеобразной философии. Однако идеи, имеющие философскую природу, в России живут по преимуществу посредством художественных образов. Более того, своими образами отечественная философия оказывает влияние на мировую философию. Влияние, например, идейных романов Достоевского на западных интеллектуалов очевидно: его конспектировал «свободный ум» Ницше, читали и перечитывали Фрейд, Эйнштейн, Камю, Хайдеггер и т.д.

Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) показал, что древнерусские иконы есть «умозрение в красках», подчиненные целому храмовому искусству. По его мнению, иконы – «сочетание аскетизма и невероятной, *нездешней* радуги красок» – есть ответ на основной для человека вопрос о смысле жизни [23]. Эту характеристику можно применить и к отечественной философии, умозрению в целом, это – умозрение в красках (иконопись и живопись), звуках (музыка), камне (скульптура и архитектура), слове (фольклор, поэзия и литература), пластике (хореография) и т.д.

Основной вопрос философии

Философия – это развернутый во времени ответ (-ы) на основной для философии вопрос.

В XVIII веке, иногда называемом «философским», поскольку философские идеи из «книжного» существования пере-

ходят в руководящие принципы эпохи Просвещения (Разум, Свобода, Прогресс), основной вопрос философии «заостряется» в вопросе о способностях человека, его *ingenium'e*, врожденном, естественном разуме – гении: каким образом способности человека соотносятся с внешним, природным и социальным миром?

Более того, представление об иерархичном устройстве мира дополняется представлением о построении мира. Для этого вводится понятие *ratio*, соединяющее в себе значения *основания* и *разума*, или *рационального основания*. Этим можно объяснить перенесение Лейбницем закона достаточного основания из логики в *онтологию, учение о сущем*:

«До сих пор я говорил просто как *физик*; теперь нам следует подняться на высоту *метафизики*, пользуясь *великим принципом*, к которому обыкновенно редко прибегают и который гласит следующее: *ничего не делается без достаточного основания*, т.е. не происходит ничего такого, для чего нельзя было бы при полном познании вещей указать основания, достаточного для определения, почему это происходит так, а не иначе.

Раз такое начало допущено, то первый вопрос, который мы имеем право сделать, будет следующий: *почему существует нечто, а не ничто*, ибо ничто более просто и более легко, чем нечто? Далее, если предположить, что вещи должны существовать, то должна быть возможность указать, *почему они должны существовать так, а не иначе*» [21].

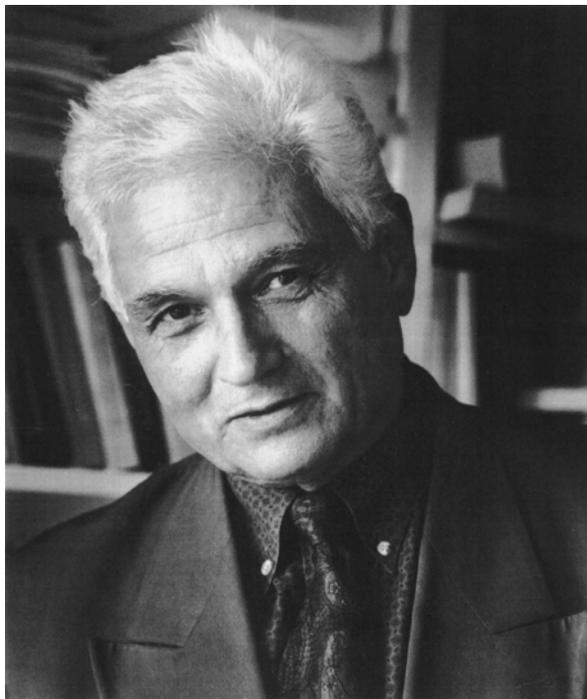
Задача построения мира «заостряет» проблему отношения *материи и формы*, которая в наиболее полном виде рассмотрена Аристотелем и средневековой философией. Как соотносятся вечная материя (природа) и активная форма, организующее начало жизни?

Эпохи Возрождения и Нового времени показали первостепенное значение активности человека, сопоставимое с актами творения Бога.

В самом общем виде, к основному относится вопрос об отношении мышления и бытия, который сопрягается с понима-

нием природы философии как *основательного мышления, понятия из оснований, требующего ничего не принимать на веру*.

Основательность, фундаментальность мышления не образует природы филосо-

Жак Деррида

фии вообще. Основательность римской цивилизации воплотилась прежде всего в создании кодекса законов, медицины, дорог, военной организации и т.д. Обоснованности требуют расчет, формальное доказательство, социальные реформы. Основания же философского мышления коренятся в достижении мышления самого по себе, без стремления соответствовать чему-либо. Здесь обретается свобода и чистота мышления

Смысл отношения мышления и бытия заложен у истоков современной философии – в древнегреческой философии посредством понятия *меры*, которое требует знать границы и пределы событий и явлений. Понятие меры преобразуется в систему значений, а именно *цели, задач, проблем, терминов, горизонтов сознания* и т.д.

Одним из важнейших значений понятия меры является понятие *априорных* (а priori – из предыдущего) *форм*, определяющих последующее содержание собы-

тий: *«формальное»* (область чистых форм восприятия, созерцания) Кант, *«материальное»* (сфера чувств и ценностей) М. Шелер, *«историческое»* М. Фуко, *«языковое»* (К.-О. Апель), *«политическое»* и т.д.

Важно заметить, что сфера априорного образует основание *трансцендентальной философии* (и метода), имеющей дело с «чистыми предметами», или (условиями) возможности тех или иных явлений и событий.

В современной философии одним из ведущих направлений обозначается *деконструкция*, под которой понимается анализ-разбор всех оснований, сложившихся в истории цивилизации. В первую очередь деструкции, *подрыву* подвергается *философия логоса*, т.е. разум и истина как наследники логоса [17].

В концепции *Жака Деррида* (1930–2004), лидера современного деконструктивистского движения, разуму, основе философии тождества, противопоставляется *различие как таковое*, допредикативное (доинтерпретативное), *протописьмо* – источник всех последующих толкований и значений, но ускользающий от них в бесконечных отличиях-следах, письме – записях, связи со звуком (речью) и логикой (линейным порядком), отсутствующий в наличии.

Другой лидер этого движения, *Мишель Фуко* (1926–1984), противопоставляет две истории: непрерывную *историю идей*, повторяющую тождественное в истории («уже сказанного людьми; традиции, или начало истории) и прерывистую историю в виде археологии, или *всегда другую историю*, «различающий анализ» [25].

В современной философии рассмотрение традиционного отношения *бытие/мышление*, основанного на непосредственном созерцании, *зеркальной метафоре отражения*, заменяется синтезом *видов бытия и мышления* через посредников этого отношения, опосредования в языке, опыте, жизни, индивиде и индивидуальном существовании (*экзистенции*), процессы во времени (*интенции; автопоэзисе*, или самопорождении), в теле чело-

века (*инкорпорация*, воплощенность), действиях с предметами и т.д. Так, фундаментальная философская проблема *истины* образует своего рода систему различений-проблем: истина/мир, истина/человек; истина/история, истина/язык, исти-

Фрэнсис Бэкон

на/знание, истина/справедливость и т.д.

От величия мира к величию человека

Перед философией со времени ее исторического начала всегда стоял вопрос: «Что сказать миру?». Дело в том, что философия возникает в эпоху мифопоэтического восприятия мира, уподобляющего мир человеческим образам. Мир и чувственные образы сил природы суть одно и то же. Эти образы были «живыми» постольку, поскольку служили подобиями явлений природы: воды, земли, воздуха, огня, минералов, дерева и т.д. Такое восприятие отражало порядок окружающего мира, доступного органам чувств людей.

Понятия «космос» (от греч. «космео» – украшаю, упорядочиваю), «фюзис» (от греч. φύσις – расти») и «природа» (от лат. natura – рождаться таким-то) выражают идею становления мира от хаоса к порядку. Такое мироощущение исходило из представления о величии мира.

Важнейшей темой древней философии является отношение человека и судьбы, одним из решений которой было «покорность судьбе» на основе принципа «быть самим собой».

В Новое время, с одной стороны, возникает проблема несоизмеримости человека и мира, а с другой – проблема способностей человека, меры его сил, прежде всего – способности к познанию мира и самого себя. Афоризм *Фрэнсиса Бэкона* (1561–1616) «Scientia et potentia humana in idem coindunt» («Знание и могущество человека совпадают») есть весьма точное выражение «духа» этой эпохи.

В результате возникает понятие *Homo universalis* («Человек универсальный»), заключающее в себе значение человека – существа, стремящегося к совершенству. Подобное стремление предполагает свободу человека, или *Homo liber* («свободного человека»). Эту позицию хорошо выразил ученый эпохи Возрождения *Леон Батиста Альберти* (1404–1472): «Человек создан для деятельности... Люди способны своими силами достигнуть всего, как только они этого захотят». Стремление к совершенству человека стало источником *Humanitas*, гуманизма, мировоззрения, создавшего своего рода культ образования, свободных наук и воспитания человека.

Современная эпоха есть прямое продолжение новоевропейского мировоззрения *активизма*, радикального изменения окружающего мира и человека на основе идеала *нового* (жизни, науки, искусства, человека и т.д.), но уже без характеристики совершенства. Активизм хорошо раскрывается с точки зрения понятия *инициативы* (от лат. initium – начало), или нового самостоятельного действия, начало которого положено его субъектом.

Академик *Жорес Иванович Алферов* (р. 1930), лауреат Нобелевской премии

«За развитие полупроводниковых гетероструктур для высокоскоростной и оптоэлектроники» (2000), в своих выступлениях приводит весьма примечательные слова своего друга, нобелевского лауреата *Лео Есаки* (р. 1925) о том, что гомома-

Альфред Норт Уайтхед

териалы, обнаруженные в природе или полученные в лаборатории, есть *God-made crystals*, кристаллы, созданные Богом, а гетероструктуры – это *man-made crystals*, то есть кристаллы, сделанные человеком [18].

Создание нового (например, материалов) есть фундаментальный мотив существования человека в его истории. Именно это обстоятельство делает вопрос об отношении величия природы и величия человека весьма важным для понимания перспектив развития человека и философии.

К этому необходимо сделать небольшое замечание. В Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» указаны «специальные категории персональных данных» (статья 10), среди которых – «философские убеждения». Другими словами, этот закон закрепляет за человеком право

на свободу мысли, которая идентифицируется в качестве его философии.

От децентрированной Вселенной к децентрированному субъекту

По отношению к современной философии вполне уместно применение высказывания английского математика и философа *Альфреда Нортона Уайтхеда* (1861–1947): «Вся западная философия есть ряд примечаний к Платону». Подобным же образом вся современная философия есть ряд примечаний к истории философии, научным достижениям, литературным произведениям и т.д.

Такая «вторичность» философии есть следствие снижения фундаментальности современной философии, и более того – нарастанием деконструктивного движения в философии, связанного с отрицанием любого рода *центризма*. Примером этого может служить положение в этике, где преобладающими становятся принципы *эмотивной морали*, основанной на личных предпочтениях (принятия или неприятие тех или иных ценностей).

Источник проблемы философии как таковой заключается в том обстоятельстве, что философские понятия (идеи) имеют предельный, всеобъемлющий характер. Следовательно, согласно логическому закону обратного отношения между объемом понятия (имени) и его содержанием, философские понятия ничтожно бедны по содержанию.

Подобная ситуация имеет последствия:

1) негативные:

а) философские положения имеют статус принципиально неопределенных, и поэтому они могут быть легко отброшены, оставлены без внимания; здесь философия есть мышление о *трансцендентном*, выходящем за рамки данного в ощущениях, опыте, знаках и т.д;

б) философские понятия относятся скорее к риторике, искусству убеждать, но не могут претендовать на истину;

и 2) позитивные:

а) философские положения относятся к *аксиомам* (от греч. *«axioma»*) – «достой-

ное уважения», «ценное», «важное», «принятое», «бесспорное»), образующих основания познания и действий, не требующие доказательств и принимаемые в силу их *очевидности*;

б) философские утверждения относят-

Георг Зиммель

ся к *деятельности* и, следовательно, объяснению целей, задач, проблем, границам, пределам осмысленности действий, которые определяются именно природой и самим процессом действия; это сфера *возможного, трансцендентального*.

Примером последнего понимания природы философии служит вопрос *Канта*, который он называет «главным трансцендентальным вопросом» и «верительной грамотой» метафизики (философии): *Как возможны априорные синтетические познания?*, который разделяется далее на четыре вопроса: 1) *Как возможна чистая математика?* 2) *Как возможно чистое естествознание?* 3) *Как возможна метафизика вообще?* 4) *Как возможна метафизика как наука?*

Здесь философия, как и любая другая деятельность, ценна сама по себе с точки

зрения анализа и осуществления ее возможностей. Более того, рассмотрение того или иного вида деятельности в «чистом виде», без предпосылок, с точки зрения возможностей имеет статус философского анализа. Форма вопроса *как?* пред-

Рене Декарт

полагает у *Канта* открытие (раскрытие) *явлений*, или (критическую) феноменологию научного познания и философии.

По верному замечанию *Георга Зиммеля* (1858–1918), философию отличает основная задача «мыслить без предпосылок» [19].

Через исследование возможностей вообще того или иного явления, события и действия философия сохраняет способность обобщения, лежащую в ее источнике, но уже не абстрактного, а вполне конкретного. Более того, здесь понятие *идеи* становится тождественным пониманию *возможностей*.

Понятие возможности соединяет в себе две крайности:

1) представление о явлении, событии или действии «в чистом виде», до и вне проявления какой-либо активности; иногда такой подход имеет значение *скептицизма* (от греч. *skeptikos* – рассматривающий, исследующий); например, *Рене Декарт* выделяет в качестве первого начала

философии следующее: «Человеку, исследующему истину, необходимо хоть один раз в жизни усомниться во всех вещах – насколько они возможны» [14];

2) *волевое начало*, полагающее начало явлений, то, *что* можно ожидать от них, т.е. такие идеи, которые заключают в себе объективные истины и эстетические ценности, а также возможность выбора аксиом, и поэтому служат направляющей силой; здесь воля и начало совпадают, например, в понятии и явлении *власти* (одно из значений слова «*arché*» – власть (и начало)).

Деконструктивизм, или *постмодернистская философия*, есть выражение современной эпохи *усиления модернизации и нового гедонизма*, где любое основание, источник тех или иных видов единства, растворяется в различиях. Тожество поглощается бесконечными многообразиями. Например, традиционное (общество, религия и сами по себе традиции) отождествляется с фундаментальным и, следовательно, подвергается остракизму.

Деконструктивизм имеет исторические и мировоззренческие источники. Переход от двух основных космологических моделей – теоцентрической и гелиоцентрической – к современной, изотропной и нестационарной, означал отказ от представления о каком-либо центре мироздания. Согласно концепции Большого Взрыва, начало Вселенной есть начало объемного, или вакуумного взрыва:

«Часто спрашивают, *где* происходил Большой Взрыв? Ответ прост и точен: он происходит *везде*. Вселенная не взрывалась *во* что-то, и в той мере, в какой название Большой Взрыв создает впечатление взрыва, оно неудачно. Большой Взрыв заполнял все пространство: он происходит всюду. И нет необходимости, чтобы Вселенная когда-то была точкой» [1].

Это сопровождалось изменением представлений о Боге. *Иоганн Кеплер* (1571–1630) с позиций натурфилософских (и естественной религии) идей гармонии и совершенства мира, небесной машины (механики) и божественного устройства мира отождествил Солнце и Бога.

Для Кеплера мир есть телесный образ Бога. Отождествлению природы и Бога способствовали пантеизм («все есть Бог»), панэнтеизм («все в Боге») и софиология (учение о душе мира, божественной мудрости, сотрудничестве с Богом в преобразовании мира по законам истины, добра и красоты). Бог постепенно растворяется в естественном порядке мира.

Идея эволюции в биологии и планковский, квантовый мир в физике сделали излишним представление о приоритетном существовании Бога в природе. Слабым утешением могли бы стать также попытки искать Бога не в «абсолютном» пространстве-вместилище, а в «фазовом пространстве» с неопределенным числом измерений, отражающем положения, состояния тел и переходы от одного состояния к другому (здесь есть «выделенные» места, например, «аттракторы», «точка Кюри», устанавливающая восприимчивость тел к изменениям и т.д.).

Констатация *Фридриха Ницше* (1844–1900) «Бог умер» имела своим радикальным следствием утверждение о смерти человека. Человек из универсального существа, существующего по принципу подобия, или аналогии всего сущего (*analogia entis*), превращается в *существо означающее* (*Homo significans*), подчиняющееся принципу «наименьшего различия». Следствием этого становится растворение человека в позитивных структурах дискурса, например, по замечанию Фуко, через психоаналитические и этнографические описания и толкования: «В наше время – причем Ницше уже давно указал на этот поворотный момент – утверждается не столько отсутствие или смерть бога, сколько конец человека (то маленькое, едва заметное смещение, сдвиг внутри тождества, которое и превращает конечное человеческое бытие в конец человека). Таким образом, обнаруживается, что между смертью бога и концом человека есть связь: разве не последний человек возвещает о том, что он убил бога, помещая тем самым свой язык, свою мысль и свой смех в то пространство, где бога уже нет, и выступая как тот, кто убил бога, обретя в своем существо-

вании свободную решимость на это убийство?» [26].

Более того, в деконструктивизме звучит тема исчезновения самой смерти посредством стерилизации жизни современного человека, анестезиологии, выдворе-

Стивен Вайнберг

ния умирающих за круг повседневной жизни.

Следует заметить, что деконструктивизм есть негативная реакция на «чистый» разум (разум как таковой) эпохи Просвещения. Примером другого – позитивного – движения может служить понятие *коммуникативного разума* (субъект-центрированного), имеющего практическую направленность на все стороны жизни современных людей, прежде всего – устранение рисков существования.

О пользе философии

Критика философии как бесполезного занятия имеет свою историю. В 423 г. до н.э. в Афинах была поставлена комедия *Аристофана* (ок. 446–385 г. до н.э.) «Облака», в которой высмеивается *Сократ* (469–399 г. до н.э.), точнее – собирательный образ философа-софиста, призывающего поклоняться «Безграничному Воздуху шири, Облакам и Языку», т.е. пустословием.

Другим, современным примером отрицательной оценки значения философии является утверждение нобелевского лауреата по физике *Стивена Вайнберга* (1933–1996): «философские принципы, вообще говоря, не обеспечивают нас правильными предубеждениями... Конечно, у каждого физика есть какая-то рабочая философия. Для большинства из нас – это грубый, прямолинейный реализм, т.е. убежденность в объективной реальности понятий, используемых в наших научных теориях. Однако эта убежденность достигается в процессе научных достижений, а не в результате изучения философских трудов... я хочу указать на другое в равной степени удивительное явление – *непостижимую неэффективность философии*» [2].

Следует заметить, что 1) эта оценка Вайнберга есть аллюзия на оценку значения математики другого физика, лауреата Нобелевской премии *Эжена Пола Вигнера* (1902–1995), а именно о «непостижимой эффективности математики в естественных науках» [4]; 2) Вайнберг в «Примечаниях» ссылается на «двух своих друзей-физиков», которые обращают внимание, что он не «против философии вообще», а возражает против плохого влияния философии – прежде всего релятивизма и позитивизма – на естественные науки [3]; само название раздела «Против философии» есть реакция на книгу философа науки постпозитивистского направления *Пола Фейерабенда* (1924–1994) «Против метода. Очерк анархистской теории познания» (*Against Method. Outline of anarchistic theory of knowledge*. London, 1975), в которой наука сопоставляется с мифологией и подвергается жесткой критике; 3) Вайнберг признает, что «у каждого физика есть какая-то рабочая философия».

В рамках философской системы ответ на вопрос о пользе философии заключается в выделении «практической философии», в классических учениях – это решение вопроса о нравах людей, или этики, например в концепциях *эвдемонизма*, или счастья человека. Примером такого подхода может служить представление великого французского математика и философа *Рене Декарта* (1596–1650): «вся философия подобна дереву, корни которого –

метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие из этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицина, механике и этике. Последнюю я считаю высочайшей и совершеннейшей наукой, которая предполагает полное знание других наук и является последней ступенью к высшей мудрости.

Подобно тому как плоды собирают не с корней и не со ствола дерева, а только с концов его ветвей, так и особая полезность философии зависит от тех ее частей, которые могут быть изучены только под конец» [15].

Все же необходимо констатировать, что эпоха философских систем завершилась грандиозной концепцией Мирового духа Гегеля (1770–1831). Более того, задача обосновать возможность изменения и совершенствования нравов людей посредством философских концепций в настоящее время подвергается критике в качестве иллюзий эпохи Просвещения. Пример полезности философии, приводимый Гегелем, можно отнести к образцу философского романтизма, подчиняющего действительность идеалу: «Воспитание Александра <Македонского> <Аристотелем> служит полным опровержением пустой болтовни о практической непригодности спекулятивной философии... Аристотель известен как глубокий, основательный, абстрактный метафизик, и само собой разумеется, что он относился серьезно к воспитанию Александра» [11].

С Гегелем можно согласиться в том, что влияние (польза) философии подтверждается ее воспитательным значением на отдельных людей, где яркими примерами могут служить распространение вольтеррианства в европейских салонах XVIII века, включая российские, например, представлений Канта о времени на Льва Толстого, софиологии Шеллинга – на Тютчева, значение идей Гегеля в марксизме и т.д. В пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» Иван Петрович Войницкий говорит: «Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский», а Астров, кроме знаменательных слов «в человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», – «у

меня своя собственная философская система». Здесь философы несут высокое звание «властителей дум».

Другое важнейшее влияние философии заключается в *служении* науке, политике, богословию, искусству и т.д. Скромность философов в этом случае выражается в звании «эксперт». Пример этого можно найти в замечании Вайнберга: «у каждого физика есть какая-то рабочая философия». Иногда это обстоятельство обозначается термином «полифилософичность» науки. Ученый-исследователь решает, какая философская концепция из многих других способствует его работе, является уместной, «рабочей».

Иногда подобная ситуация обозначается формулой «смерти философии», по крайней мере «философский век», эпоха Просвещения, когда влияние философии на образ жизни людей было очевидным, уже позади.

Вопрос о «пользе философии» требует уточнения, о какой пользе идет речь. Слово «польза» производно от старинного слова «*польга*», «*легко*». Делает ли философия жизнь людей легче? Вопрос остается неопределенным. Очевидно, что о непосредственном влиянии философии на жизнь людей можно утверждать прежде всего в отношении убеждений и образа жизни людей. Люди так или иначе руководствуются идеями, лежащими в основе любых видов деятельности. С выявлением идей начинаются большая (философии в целом) и малая (философия каждого человека) истории философии.

Заключение

Философия по своей природе – это поиск истины без обязательного оформления в ту или иную философскую концепцию – философию в чистом виде. Можно не принимать философские концепции, но идеи, пронизывающие стремление к истине, всегда пробивают себе дорогу. Дело не столько в том, что строгость любого вида человеческой деятельности обеспечивается ее методами (от греч. *μέθοδος* – буквально «*путь следования*»), сколько в выборе пути или целостности

усилий людей, например в поисках гармонии мира (например симметрии). С этой точки зрения вполне уместно замечание Вернера Гейзенберга (1901–1976): «Современная физика идет вперед по тому же пути, по которому шли Платон и пифагорейцы» [12].

Фундаментальная философская проблема *тождество/различие* в современной науке видоизменяется в проблему отношения *симметрии/диссиметрии* или, точнее, отношения законов сохранения и спонтанных изменений. С одной стороны, следует напомнить, что согласно теореме Эмми Нерстер (1882–1935), имеется соответствие симметрии и законов сохранения, а с другой, именно неустойчивые, нестабильные процессы создают и объясняют различие и сложность природных явлений, или, по утверждению Пьера Кюри (1859–1906), «диссиметрия творит явления».

Метафора *философии – пути к истине* (а также науки-пути, *жизни-пути*) весьма точно показывает, что здесь нет легкого и прямого – царского – пути. Это путь, сопровождаемый сомнениями, ошибками, эмоциями, т.е. всем тем, что относится к «субъективному» и требует преодоления.

Наука – это всегда опыт, научный опыт. В этом слове слышится его глубинный смысл – *ис-пыт-ание* (ср.: «эксперимент» – от лат. *experire* – испытывать). Познание – это, с одной стороны, умение воздействовать-вопросать объекты, а с другой – ответ объектов (здесь иногда указывается, что слово-термин *object* имеет значение «возражать»). Кроме того, важным обстоятельством для понимания субъективной стороны познания служит также напоминание о связи опыта (*ex-peri-ence*) и риска, а также ожиданий, связанных с ним (лат. *peri-culum* – риск, опасность).

По свидетельству Петра Леонидовича Капицы (1894–1984) о своем учителе Эрнесте Резерфорде (1871–1937), «Резерфорд был экспериментатором и в этом отношении напоминает Фарадея. Он мало пользовался формулами и мало прибегал к математике. Иной раз, пытаясь вывести на своих докладах формулу, он путался и

тогда писал результат, замечая: «Если все вывести правильно, то так и получится».

Но экспериментом он владел исключительно. Можно сказать, что он «видел» явление, над которым работал, хотя бы оно и происходило в неизмеримо малом ядре атома» [20].

«Метафизика» – другое название философии, появившееся случайно. По свидетельству историков философии, Андроник Родосский (середина 1 в. до н.э.), составитель корпуса сочинений Аристотеля, расположил его книги по философии после книг о познании природы, естествознанию – *ta meta ta physica* (буквально: «то, что после физики»). Но в этой случайности открывается важный смысл философии. Мета – физика есть способность выходить за границы одного только физического и естествоиспытательного знания вообще. Такой выход хорошо раскрывается в понятии *гипотеза*, одно из важнейших значений которого является *гипостазирование*, или наделение (самостоятельным) существованием представлений о тех или иных явлениях.

Философию можно сравнить с шагом на пути к истине, необходимым шагом, или, по афоризму Томаса Гоббса (1588–1679):

«*Рассуждение есть шаг, рост знания – путь, а благоденствие человеческого рода – цель*» [13]. Это утверждение Гоббса имеет вполне современное звучание. То, что Гоббс понимает под «рассуждением», соответствует современным логическим исчислениям и логической семантике, или, в самом общем виде, логическому анализу языка, включающему, например, проблемы референции, возможных миров, отношения аналитических и синтетических истин, отношения означающего и означаемого, и т.д.

Проблема роста знания и последствий этого является одной из ведущих проблем современной философии.

Возвращаясь к надписи на перстне царя Соломона «И это пройдет», которая часто выражается в сентенции «Все пройдет», в некотором смысле можно сказать: «Не проходит (не пройдет)». Если принять за критерий характеристики чего-ли-

бо в качестве «философского» (пусть, например, и «философского камня») отнесение к бытию, мышление о бытии, то здесь возникает аналогия отнесения «души» и «духа» к религии и иногда – поэтическим переживаниям. Это может означать, что философия вполне может быть отнесена исключительно к сфере убеждений и мировоззрения, поскольку «бытие», «душа» и «дух» не устанавливаются (не верифицируются) экспериментальными средствами.

Но что-то говорит и напоминает о цельности мира и человека. Если религия делает это через указание на высшее, святое, неприкасаемое, всегда Иное, сверхестественное, то философия открывает человеку его способности и первую среди них (первую среди равных) – способность мыслить, т.е. отождествлять и различать то, что неотъемлемо от него, а именно *Бытие*. Бытие – это и есть то *непреходящее, цельное*, что способно стать условием утверждения своего отрицания, или *небытия*.

Отнесение к бытию делает мышление цельным разумом, не сводимым к расчетливому рассудку. Мышление о бытии, т.е. философия, имеет свою меру в истине, которая хорошо передается устарелой калькой с латинского языка «*естина*».

Есть бытие (истина бытия), значит есть и мышление (истина мышления, цельное мышление) и философия, мышление о бытии.

Философия подчиняется ритмам, которые сопоставимы с естественными циклами: философия движется через смену своих «объективных» форм (натурализм, материализм, рационализм, структурализм и т.д.) «субъективными» (софистика и ее следствия, экзистенциализм, персонализм и т.д.). Переходные формы заключаются в ответе на вопрос, как соотносятся независимое бытие и человеческое бытие (экзистенция)?

Современная философия сосредоточена именно на анализе таких переходных форм, *средином бытии*, например, понятии *дискурса*. Другим примером важнейшего понятия современной философии является *концепт*, который включает в себе *смысл* вещей («понятие») и процесс *схватывания* его реальности: «философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [16].

Это означает, что дело философии заключается в понятии философии, которое существует там и тогда, когда внимание (и понимание) людей обращено на смысл происходящего.

Библиографический список

1. *Вайнберг С.* Первые три минуты: современный взгляд на происхождение Вселенной. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – С. 262.
2. *Вайнберг С.* Против философии // Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы / пер. с англ. А.В. Беркова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 131–133.
3. См.: *Вайнберг С.* Там же. С. 232.
4. *Вигнер Э.П.* Инвариантность и законы сохранения. Этюды и симметрии / пер. с англ. Ю.А. Данилова. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002 – С. 182–198.
5. *Виндельбанд В.* Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Дух и история / Пер. М.И. Левиной. – М.: Юрист, 1995. – С. 22.
6. Там же, с. 30.
7. Там же, с. 35.
8. Там же, с. 34.
9. Там же, с. 40.
10. *Гвардини Р.* Конец Нового времени // Вопр. философии. – 1990. – № 4. – С. 127.
11. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 2-я. – СПб.: Наука, 1994. – С. 213.
12. *Гейзенберг В.* Физика и философия // Физика и философия. Часть и целое / пер. с нем. И.А. Акчурина и Э.П. Андреева. – М.: Наука, 1990. – С. 37.
13. *Гоббс Т.* Левиафан // Соч. в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и англ. Н. Федорова и А. Гутермана – М.: Мысль, 1991. – С. 36.

14. *Декарт Р.* Первоначала философии // Соч. в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн, с фр. Н.Н. Сретенского. – М.: Мысль, 1989. – С. 314.
15. Там же. – С. 309.
16. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 10.
17. *Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. – М.: AD MARGINEM, 2000. – С. 124.
18. *Закутняя О., Костикова Д.* Творец кристаллов // В мире науки. – 2007. – № 6. – С. 19.
19. *Зиммель Г.* Сущность философии // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII / пер. Т. Райнова. – Харьков: б/и, 1916. – С. 235.
20. *Катица П.Л.* Научные труды. Наука и современное общество. – М.: Наука, 1998. – С. 87.
21. *Лейбниц Г.В.* Начала природы и благодати, основанные на разуме // Соч. в 4 т.: т. I / ред. и сост., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов; пер. с фр. Н.А. Иванцова. – М.: Мысль, 1982. – С. 408.
22. *Лейбниц Г.В.* Об универсальной науке, или философском исчислении // Соч. в 4 т.: т. 3 / ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. Г.Г. Майоров и А.Л. Субботин; пер. с лат. Г.Г. Майорова. – М.: Мысль, 1984. – С. 497.
23. *Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древне-русской религиозной живописи. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1916.
24. *Турчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. – С. 70.
25. *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. – К.: Ника-Центр, 1996.
26. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сад, 1994. – С. 402.
27. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – С. 201.